

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

Про себя

Мой дед с Волги. Фамилия — Мозгов. Это потом, в тысяча восемьсот за-тертом году, после переписи нам всем подписали окончание -енко. И стали мы — Мозговенко. Дед был канторм, бабка пела в церковном хоре, но отец с матерью к музыке отношения не имели. В пятнадцать лет без разрешения родителей (мы тогда жили в Тагиле) поступили в Свердловское музыкальное училище по классу кларнета.

На втором курсе началась война. Мы всем курсом — конечно, в добровольцы. Собирались немцев шапками закидывать. Слава Богу, по малолетству в шапкозакидателям с первого раза нас не прияли. Затем случайно устроился саксофонистом в "джаз-банду". Целый год ездили с концертами по Дальневосточному военному округу. Вернулся — и вновь в добровольцы. Шел уже 43-й год, и меня зачислили в Уральский добровольческий танковый корпус. Перевезли нас всех под Москву в Кубинку и начали готовить в танковый десант 61-го гвардейского полка 4-й танковой армии генерала Ильюшенко. Но перед самой отправкой вдруг выходит приказ Сталина: учителей, медработников, музработников и вообще всю интеллигенцию на войне использовать строго по специальности. И меня определили в военный оркестр.

А во время боевых действий мы были санитарами. Сначала я только записывал ранения в специальную книгу. Рядом с врачом стоял, через неделю сам даже диагнозы ставил. А затем в одном бою перебили всех медсестер, и мы пошли на их место.

Главный бог войны

Знаешь, Васька, кто главный бог на войне? Господин случай. Сегодня ты обыкновенный лейтенант, а завтра — герой. И все благодаря собственному... ротозейству. Как-то пропустил наш старлей мимо ушей приказ вывести свой взвод из деревни. Все ушли, а он прошел, остался. Под утром обнаружил, как в деревню немецкая колонна втягивается. Кое-как успел в лесу с танками спрятаться. Было ему два выхода: либо биться и погибнуть, либо наших догонять, которые неизвестно где, и идти под суд. Выбрал первый. Шмыгнул по головному танку колонны, поджег. Затем последний. В колонне паника. Так 8 штук подбил, пока наши не пришли на подмогу. Так потом выяснилось, что благодаря смелому лейтенантику в плен взяли генерала какой-то немецкой армии вместе со штабом, знаменами, документами и золотыми слитками. Мы с барабанщиком хотели потихоньку прикарманиТЬ себе по слиточку, да молодые были, дурачки, документацию сопроводительную не уничтожили. Особисты все выяснили, и слитки пришло отдавать.

Сон в мертвецкой

Сонный котяра, послушай, что скажу... Если бы не ежедневное убийство вокруг, война была бы обыкновенной тяжелой работой. Смерть разукрашивала войну, как фломастер детские книжки. Черным и красным цветом.

Стояли мы на Одере в Германии. На четырех хирургов было по сотне раненых, и я ассирировал. Как-то рабочали несколько суток без пропаха. Я запомнил, как хирург заснул, стоя над раненым со скальпелем в руках. Наконец разрешили поспать пару часов. На дворе была ночь, и я пошел искать местечко, где бы меня потом долго искали. Набрал на сарай. Заходжу — в темноте чьи-то ноги. Я растолкал всех и лег. Через два часа проснулся. Сон на войне чуткий. В щели саража было солнце. Вокруг меня лежали одни голые трупы. Оказывается, я забрел в мертвецкую.

Ножка ваша, пила наша

К войне, Васька, привыкаешь, почти как к утреннему завтраку. Ее уродство же через несколько дней не замечашь. Первый налет, первый артобстрел, первый застреленный, первый раздавленный танком — смотришь, организм и перестроился. Словно это было всегда. Как-то однажды мне чуть не пришлось ногу пилить шестнадцатилетней девушке. Приехало пополнение, телефонистки. Мужики на нее налюбовались не могли. Стройненькая, миленькая, в общем, в первый же артобстрел ее в ноженьку-то и ранило. По самый пах. А по приказу Бурденко при таких ранениях конечно надо пилить к чертовой матери. А девчушка на столе лежит, руки к пауху прижимает и в шоке все бормочет: "Мужчины, не смотрите, не смотрите на меня, уйдите". А куда же нам смотреть? Тогда хирург и решил приказ бурденковский нарушить. Посовещались, подумали, да и пришли косточка к косточке по одной. Ножка, конечно, стала короче другой, но все же в наличии.

А ко мне тогда же раненый приходит, за голову держится. А в затыльке осколок. В головах я тогда еще ни разу не копался. Хирурги были заняты, так или иначе пришлось разбираться. Усадил хлопца, сказал, что сейчас будет больно. Попробовал вытащить руками — бесполезно. Достал плоскогубцы. И чуть не оторвал солдата от пола вместе с осколком. Впрочем, он так там и остался. Рану промыли и направили солдата в тыловой госпиталь.

Сердце в известке

Не думай, Василий, что я герой. Я даже ни одного немца за три года, пока воевал, не убил. Мне везло. Мини рвались там, откуда я только что уходил. А настоящий герой, Васька, — это тот, кто под верной смертью ходит, но остается

Моск. консерватория - 1997. - 8 мая.

КЛАРНЕТ ПРОТИВ ГИТЛЕРА

Фронтовик беседовал со своим котом:

— Мы все когда-нибудь умрем, Васька, и я, и даже ты.
Кот Васька закрыл глаза.
— Но должен тебе заметить, — продолжал фронтовик, — что близость смерти преображает

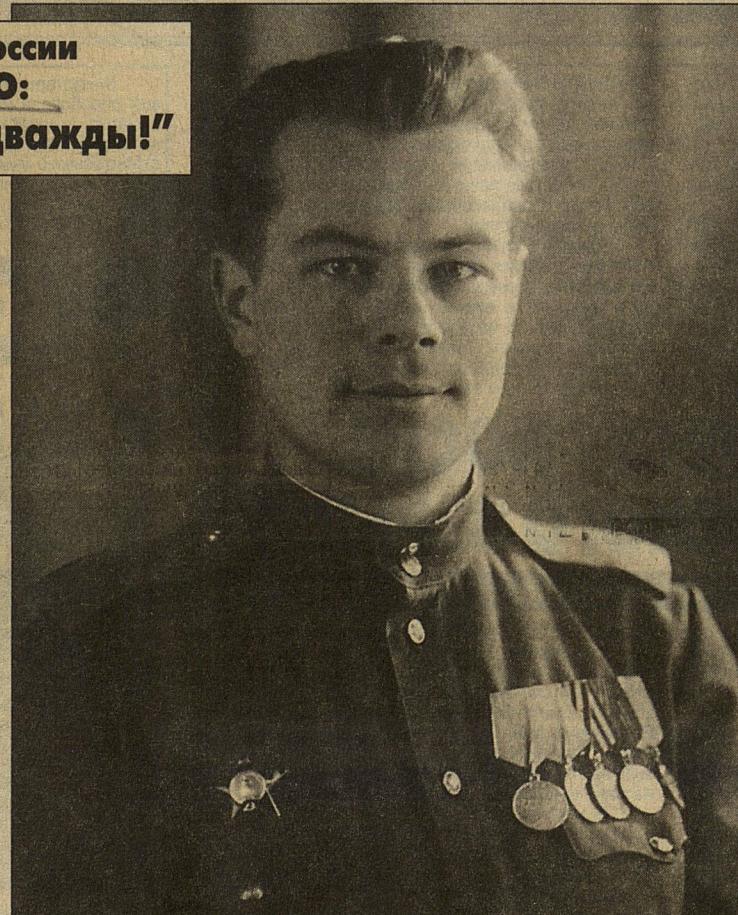
Народный артист России ИВАН МОЗГОВЕНКО:
"Я брал Берлин дважды!"

человека. Такого сосредоточения, как перед лобовой атакой, не увидишь и не почувствуешь ни в каком театре или на сцене. Представь себе, ночь на кругом берегу реки, за которой украинский город Каменец-Подольский. Люди и танки, мы и немцы — все ждут. Так тихо, что слышишь стук собственного сердца. Почти все молчат и смотрят на тот берег. "Ты солярки достаточно залил?" — тихо спрашивает чей-то голос. И вместо ответа — кивок головы. "Не кури", — просит кто-то рядом. А в небе загорается зеленая ракета. Все ссыпаются, словно голодные собаки. Рев двигателей и адреналин в кровь — по нарастающей. Затем приказ, которого я не слышу, но чувствую, и гусеницы начинают рвать землю. А из разогретых перед боем фронтовой "сотовкой" желудков сотен танкистов поднимается непоколебимое: "За Родину! За Сталина!"

уверен, что просто выполняет свой долг. На Шпрее, уже в Берлине, стоим с хирургом, помню его — такой маленький, юркий, с черными глазами — над раненым в чьем-то полуразрушенном доме. Грудь вскрыли, видно, как сердце пульсирует, и кровь бьет фонтаном. Вдруг налет. Все попрятались, а хирург остался, ну и я с ним... из солидарности. Когда взорвалась мина на противоположной стороне улицы, наш дом встремнуло и вся штукатурка пысилась на нас и на операционный стол. Мы едва успели прикрыть белыми халатами раскрытую грудную клетку бойца. Пыль такая поднялась, что мы друг друга в шаге не видели. Так и стояли минут пять, положив друг другу головы на плечи, пока чуть-чуть не рассеялось. Лицо раненного было белым, как у мумии, но на сердце — ни крошки известки. Все вымыли потом. Парня выходили.

Кавалеристы-освободители

Ты уже небось спишишь, дрянная кошка? Избаловали тебя, самца. Самое большое бедствие на войне, Василий, когда она заканчивается. Люди так призывают убивать и насиливать...

А потом говорят, что правда войны становится правдой только по ее окончании. И победителей не судят. Черт знает. Вон сколько рассказывают, как нас встречали в освобожденной Европе. Слезы, цветы, счастье. Помню, в Чехословакию входили. В одном городе даже плакат висел "Не допустим, чтобы русский солдат на земле ночевал. Всех по семьям и домам!" Это правда. Но и другое правда тоже. В городе Табор, когда наступали на Прагу, остановились на ночь. Здесь перед самым носом двери закрывали. В конце концов автоматы эти двери выбили, хозяйка с белым лицом на коленях встречает. Мы у нее чаю просим, а она мычит только. "Вы, — спрашивает, — кто? Кавалеристы?". "Нет, — отвечаем, — танкисты". Она радостная пулей из дома и по улице несется, кричит: "Выходите, не бойтесь, это не кавалеристы!"

Оказывается, два дня назад полк конный проходил. Все сено с освом забрали, лошадей прихватили, а в качестве благодарности всех женщин изнасиловали. Вот тебе и освободители.

Водка и ордунг

Почему победили? Эх, Васька. Конечно, потому, что Родину любили. Ди-

циплина была жесткой. Но подчас и наша российская душевная расхлябь из передряг выводила получше ихнего "ордунга". Забавный был у нас старшина. Написал вдруг, вылез из окна и ходил по передовой между нашими и немецкими. А время было обеденное. В обед фрицы не стреляют — закон. Офицеры их разошлись, они и вовсе бдительность потеряли; да к тому же еще конец войны, никому погибать нехотело. Ну, ходил старшина, бродил и свалился прямо к немцам в окоп. Не растерялся и говорит им: что воюете-то, войне конец, сдавайтесь в плен. И немцы так отреагировали, что руки вверх подняли и за шатающимся старшиной гуськом к нашим частям и пришли.

Предатель

Ты, милый мой кот, не знаешь, что был такой генерал Власов. А я под Прагой видел, как его арестовывали. Ехал он в автоколонне в сопровождении американских бронемашин в сторону американских расположений. Пытался удрать. А тут с разных сторон налетели наши особисты на "виллисах". Колонну затормозили. Власова выволокли за волосы, впихнули в нашу машину и увезли. На все про все ушло минуты три.

От власовцев мы в войну натерпелись немало. Помню, что после Курской дуги вышел приказ: если в бою видишь постороннего человека в нашей форме — стреляй на поражение. Потому как наверняка он власовец. Они проникали в наши части, а во время атаки стреляли офицерам в затылки.

"Сталин капут!"

Встречал я нескользких убежденных фашистов из СС. Где-то под Берлином, уже в самом конце войны, встали на постой. Немцы из дома выгнали, они даже не сопротивлялись. Война уже была совс

ема кончилась. Стоят. Мы на ломаном немецком: "Вот вам, фрицы, цвай уэр, и чтобы аллес кранке забирали с собой и нах хаузе, ферштайн?" Они и пошли собираться, а мы — по кабинетам шлындат. Кругом одни немцы, но никто не стрелял. Наткнулись на сарай, а там раненых — штабелями лежат. Смотрим, в углу кто-то дерется. Кинулись разнимать. "Варум и вас ист дас?" — спрашивала. Мне вручили заряженный "вальтер" и на эсэсовца в углу указывают. Говорят: "Он в тебя целился, хотел убить. И за это мы набили ему морду". А эсэсовец отвернулся к стене и ждет, когда я ему пулю в затылок пущу. Но не дождался.

А потом, только мы расположились, как немцы-автоматчики врываются. И теперь уже нас всех во дворе построили и как всегда: "Евреи и коммунисты, шаг вперед!" Никогда не забуду, как раненые начали выползать из палат кто на чем — на костилях, каталках и плечах товарищей, чтобы нас заслонить от автоматов. И по-своему перегибаться с эсэсовцами. "Они нас не расстреливали, теперь и мы не дадим их убить". Так и не дали расстрелять. Через пару часов город снова оказался в наших руках.

Автограф Фюреру

А 2 мая, Василий, бои в Берлине кончились. На танке вместе со своим батальоном я подъехал к рейхстагу и оставил автограф. На одной из его стен стоит моя роспись: "Мозг".

Концерт для военно-духового инструмента

Когда война кончилась, мне исполнился 21 год, и я вернулся уже не в

- сда.

Музыкальный Мозг
8.05.1997

Свердловск, а в Москву — учиться. Приехал к знаменитому профессору Табакову — зав. кафедрой духовых инструментов в консерватории. Зачислили вольнослушателем. А на следующий год сдал экзамены в Гнесинский институт без троек.

На пятом курсе совершенно случайно узнаю, что на днях будет отбор на международный конкурс в Берлин. Я сам пошел в министерство, написал заявление. Потом сам искал себе аккомпаниатора, в консерватории по звуку нашел, где кларнетисты занимались. На рояле играла седая женщина, и я уговорил ее поиграть со мной. Даже без репетиций. Сыграли вместе по несколько тактов из каждого произведения, а на следующий день в Малом зале — прослушивание. Присутствовали одни консерваторские педагоги. Всю жизнь гнесинцы с консерваториями конкурируют. Они своих учеников двигают, а те своих. Я же вообще один, как будто сам от себя выступаю. Мой педагог (Штарк) болел тогда. Из всех конкурсантов выбрали меня и еще одного консерватора — тот, кстати, был партнером консерватории.

После прослушивания меня сразу пригласили в оркестр поиграть, который в Берлин ехал на гастроли. Пришел я на первую и единственную репетицию, взглянул на всех обвел. Заметил хорошенькую скрипачку. Полчаса поговорил с ней. А потом брату позвонил и сказал, что нашел себе жену. Так рно и вышло. А на конкурсе в Берлине я занял первое место.

Заключительная часть. Финал

С тех пор и за всю жизнь Иван Пантелейевич Мозговенко не сделал ни одного блестящего хода. Ему никто не помогал — он помогал себе сам. В Гнесинском институте, который сейчас называется академией, Иван Мозговенко бессменно преподает с 1951 года. За свою жизнь играл в оркестрах у Кондрашина, Константина Иванова, Баршай, Светланова, Гаука, Синайского. 30 лет являлся единственным кларнетистом, которого приглашал играть с собой знаменитый квартет Бородина.

Итог: в его классе 4 профессора, 2 народных артиста России, 11 заслуженных артистов республик, 7 доцентов и больше 20 лауреатов всевозможных конкурсов.

Кода

Ну что, брат Василий, спиши, морда? Даже мурлыка перестал. Знаешь, в чем мое счастье? В том, что в самом начале войны в добровольцы по малолетству не взяли. Вряд ли бы я выжил... Спи, спи...

Александр РОХЛИН.
Фото Анатолия БЕЛЯСОВА
и из архива И.П. Мозговенко.